

ДИСКУССИЯ: ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖА ДЛЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЭЛЕМЕНТЫ СБОРКИ СЕВЕРНОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ: СОЛИДАРНОСТЬ, НОРМЫ, ГОРБУША, СЕМГА

К.Я. Коткин, А.М. Сергеев, В.М. Воронов, В.В. Симонова

Константин Яковлевич Коткин | <https://orcid.org/0000-0002-3281-3036> | kostyakotkin@rambler.ru | к. филос. н. | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | хранитель музейных предметов | Мурманский областной краеведческий музей (ул. Академика Павлова 1А, Мурманск, 183038, Россия) | ассоциированный научный сотрудник | Центр арктических и сибирских исследований Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ул. 7-я Красноармейская 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия)

Андрей Михайлович Сергеев | <https://orcid.org/0000-0002-1553-4238> | asergeev8@yandex.ru | д. филос. н., ведущий научный сотрудник кафедры философии и социальных наук | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | профессор кафедры философской антропологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Василий Михайлович Воронов | <https://orcid.org/0000-0002-3109-3655> | voronov.mspu@rambler.ru | к. филос. н., старший научный сотрудник кафедры философии и социальных наук | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия)

Вероника Витальевна Симонова | <https://orcid.org/0000-0003-1167-7589> | v.simonova@socinst.ru | к. социол. н., PhD in Social Anthropology | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | руководитель Центра арктических и сибирских исследований | Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ул. 7-я Красноармейская 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия) | Академия наук Республики Саха (Якутия) (пр-т Ленина 33, Якутск, 677007, Россия) | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Союза Печатников 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия)

Ключевые слова

неформальное рыболовство, Мурманская область, ассамбляж, М. Деланда, солидарность, нормы, тихоокеанский лосось, горбуша, атлантический лосось, семга

Статья поступила 30.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.11.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Коткин К.Я., Сергеев А.М., Воронов В.М., Симонова В.В. Элементы сборки северной неформальной рыбалки: солидарность, нормы, горбуша, семга // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 152–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060081> EDN: VTERBA

Kotkin, K.Y., A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova. 2024. Elementy sborki severnoi neformal'noi rybalki: solidarnost', normy, gorbusha, semga [Elements of Assemblage in Northern Informal Fisheries: Solidarity, Norms, Pink Salmon, Atlantic Salmon]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 152–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060081> EDN: VTERBA

Аннотация

Неформальное рыболовство (неформальная рыбалка) в Мурманской области анализируется посредством обращения к концепции М. Деланды, связанной с построением горизонтальной онтологии как альтернативы традиционным вертикальным построениям, отстаивающим иерархическое понимание мира и исключительность человека. Горизонтальная онтология М. Деланды дает возможность авторам рассматривать разноуровневые компоненты рыбалки в двух взаимозависимых осях: 1) “материальное–экспрессивное”; 2) “синтетическое–вариативное”. Эти оси позволяют проанализировать проблему отсутствия позитивного отношения к обилию горбушки, являющейся одной из наиболее существенных материальных составляющих ассамбляжа неформальной рыбалки Мурманской области. Теоретическая экспликация данной проблемы связана с возможностью осуществления синтеза материальных элементов, которые сами по себе соотносятся с разными сферами жизнедеятельности. Исторические и пространственные сюжеты показывают различные аспекты связи материального и экспрессивного в ассамбляже рыбной ловли, а также раскрывают специфику Мурманской области и возможность масштабирования неформальных практик Северо-Балтийского региона. Ситуация с горбушей как интродуцентом продемонстрировала экстериорность ассамбляжа северной рыбалки. Фигура семги, занимающая позицию между материальным и экспрессивным, стабилизирует идентичность ассамбляжа северной неформальной рыбалки и воплощает идентификацию сообщества с местом и историей. Солидарность задает образцы поведения, которые определяют не только “своих” и “чужих”, но и отношения с другими элементами ассамбляжа. Неформальные нормы отражают представления о “золотой середине” в рыбалке на Севере. Связь с историей и местом, проявляющаяся через идентификацию, открывает возможность для изменения агентности горбушки с точки зрения экспрессивности.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-20435]

Мы решили начать свою статью с диалога о северной рыбалке, который состоялся весной 2022 г. Наш собеседник – частый участник выездов за рыбой. Тем не менее его заработка не связан с добычей водных биоресурсов, что, впрочем, не мешает ему “забивать в морозилку” не меньше центнера рыбы.

Респ.: Она не длинная, она вот такой ширины. Там такое пузо. Я думал, что она такая не бывает.

Инт.: И как по вкусовым?

Респ.: Я ее не ел. Мне картинки показали. Смотри, какая. Думаю: ни хрена себе. Они с этим безменом – 24 с хреном килограмма.

Инт.: Если еще икряная, это сколько...

Респ.: С лососевой икрой сложнее. Я привык к сиговой. Наловили, ее и взвить легче, варить не надо. Горбушки было много, я возился летом.

Инт.: Как сделал?

Респ.: Я поначалу делал как сиговую, взбиваешь, взбиваешь.

Инт.: Венчиком?

Респ.: Да. Там замучаешься (ПМА: № 3, м.).

Воспоминания респондента о предшествующем лете 2021 г. перемежались ремарками о рыболовецком стаже: “сколько себя помню, лет с 10 точно”. В разговоре затрагивались вопросы самоидентификации в поле неформального рыболовства: “и сетка, и удочка” – при описании используемых собеседником

счастей; “браконьер рыбу продаёт, а рыбак кушает сам, друзей угождает” – при различении рыбаков и браконьеров. Однако и в этом, и во многих других случаях нас привлекло неожиданное несоответствие: констатируемое обилие горбушки не вызывает всеобщей радости. Эта эмпирическая проблема – одна из многих, возникающих при анализе неформального рыболовства на Кольском Севере. Но для начала кратко определим различия, связанные с рыбалкой, с точки зрения юридических норм, где на одном полюсе – рыболовство как профессиональная деятельность (рыбодобывающие организации), на другом – человек, осужденный за браконьерство. Между этими полюсами находится широкое поле неформального рыболовства.

Исследование неформальных практик: различия мест и исторические аналогии

Проблематика, связанная с неформальными практиками “на Северах”¹, анализируется на самых разных уровнях. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех проблемных полей, обозначим ключевые тематические блоки. Ряд авторов анализирует рыболовное браконьерство в ракурсе экологии и глобальных вызовов исчерпания рыбных ресурсов или колебания их численности, увязывая эти вопросы с локальной проблематикой устойчивости индигенного населения территорий, прилегающих к арктическим морям (см., напр.: *Muir 2010; Koppov et al. 2022*). В последние два десятилетия были опубликованы исследования, касающиеся неформальных практик, в том числе связанных с браконьерством (в частности, с незаконным выловом рыбы), в которые включается коренное население из-за невозможности и/или нежелания обеспечить себя иными способами “выживания”².

Основная рамка исследований “неформальности” соотносится с анализом государственного полюса и полюса, представленного местными сообществами. Дополнительными “агентами” выступают внесоциальные с точки зрения классической социологии феномены: транспорт (*Васильева 2019*), ландшафт (*Давыдов 2019*), добываемый ресурс (*Журавская 2011; Журавская, Рыжова 2019*). Мурманская область вписывается в рамки глокальности и ресурсов неформальной добычи (*Robertson 1995*). Если говорить о современном браконьерстве в регионе, следует отметить, что исследователи и средства массовой информации выделяют несколько его видов: связанное с промышленным морским рыболовством; крабовое; оленье (особенно с серединой 1990-х годов, в связи с саамами и коми-оленеводами); и наконец, озерно-речное. Чаще всего неформальная добыча ресурсов становится предметом изучения представителей естественных наук (*Калюжин 2003; Lukin 2013; Панченко и др. 2020*). Социальные исследователи сосредотачивают внимание на оленеводческом браконьерстве и неформальном рыболовстве, в том числе на смешанной этнической и профессиональной спецификации тундровиков (*Sabev 2002; Vladimirova 2006; Цылев 2014; Konstantinov 2023*), на туристическом факторе неформальной экономики (*Konstantinov 2017; Гаврилова 2019*), а также на вопросах природопользования на Кольском Севере в целом (*Кучинский 2007*). Вместе с тем основной рамкой понимания неформального лова на Кольском полуострове становится противопоставление местного сообщества государству. Обратимся к восприятию данной проблемы в ракурсе истории.

Диахронная перспектива тематики неформальных рыболовных практик Кольского Севера, хотя и берется на вооружение социальными исследователями,

чаще всего ограничивается сюжетами советского периода, тогда как история рыболовства уходит в “глухую древность”, что подтверждают работы археологов (Гурина 1991). Два вида промысла – рыболовство и морская охота – объединились исследователями в один культурно-хозяйственный тип³ промыслового при-морского хозяйства (Бернштам 1978). Торосовый промысел, имевший большое значение для Русского Севера вплоть до 1950–1960-х годов, зависел от чередования “промысловых и непромысловых годов” (Власова 2021). Такая же картина, судя по материалам исторических источников, была характерна для промысла различных видов рыбы Баренцева и Белого морей (Лайус Ю.А., Лайус Д.Л. 2010). Периоды колебания промыслов тех лет имеют некоторую схожесть с современными циклами прихода горбуши. Непостоянство ресурса побуждало население диверсифицировать промыслы в прошлом и заставляет делать это в настоящем. В связи с чем сегодня рыбалка может выступать не только важнейшим средством выживания, но и досугом и/или дополнением к основной работе. В каждом из этих вариантов формируется набор внешних элементов, составляющих ассамбляж.

Такие элементы материальной составляющей рыболовства, как набор определенных орудий и конкретных рыболовных мест, демонстрируют удивительную устойчивость на протяжении веков (Бернштам 1972; Лайус Ю.А., Лайус Д.Л. 2010), что является вещественным подтверждением мнения о традиционности промысла⁴. Зафиксированные в исторических документах рыболовный инвентарь, данные учета выловленной рыбы, определенные запреты, например на ловлю в верховьях рек, – все это демонстрирует историческую глубину опеки со стороны властных институтов, распространяющуюся не только на людей далекой периферии, но также на добываемые ими ресурсы, места и орудия лова. “Коренное” сообщество, противопоставляя себя “неавтохтонному” населению, и сейчас подчеркивает свою локальную идентичность за счет добычи различных ресурсов. Оно сохраняет свою прошлую “сборку” благодаря артельной организации промысла и уравнительному перераспределению рыболовных участков (Ефименко 1869)⁵. Статус промысловика определялся количеством рыбы, качеством участка, разнообразием орудий лова, т.е. не только социальными элементами.

Учитывая многочисленные волны освоения-колонизации, было бы ошибкой воспринимать юг Кольского полуострова исключительно как культурно-унифицированный в историческом отношении регион; его полинациональность (и поликультурность) усилилась в послевоенный советский период. В контексте рыбной ловли “национальный фактор” особенно заметен в отношениях официальных и неофициальных “коренных” жителей – саамов и поморов: первые как вытесненные с исторических хозяйственных территорий имеют большие льготы в сравнении со вторыми. Если использовать язык классической социологии, то важными элементами формирования и изменения сообществ являются олени и рыба.

Советский период противопоставил традиционный лов промышленному лову с неизменно нараставшим контролем государства, ставшим повсеместным после 1960-х годов. Неофициальные “уловистые места”, наличие самодельных орудий лова и вылов видов рыб, известных только местным (напр., второстепенного пингагора), природные и биологические ритмы (знания о них воплощались в местных названиях ветров и видов рыб) подчеркивали взаимообусловленность элементов сборки северной рыбалки.

Неформальный лов в советское время — это только фон для освещения других проблем: увеличения товарности колхозов, загрязнения водных ресурсов, развития рыбоводства и увеличения молоди рыб (особенно ценных пород), научных исследований внутренних водоемов. Статьи о “браконьерах”, наряду с другими “рыболовными” сюжетами, служат единичными напоминаниями о проблеме неформальной рыбалки. Браконьерство фигурирует как осуждаемая, негативная практика. Однако показательны оговорки о возможностях лова инспекторами или “научниками” (научными исследователями). Советский браконьер в публикациях самых разных жанров предстает неким “черным ящиком”⁶. Основные “акторы”, явленные читателю местной прессой, — ученые и сотрудники “Мурманрыбвода”, которые, наряду с контролем, занимаются разведением и исследованием рыб во внутренних водоемах. В 1990–2000-е годы взаимодействующими элементами ассамбляжа рыбалки становятся “коренные малочисленные народы” (саамы) и бизнес, в том числе иностранный. В 2000-е годы все более заметным действующим лицом оказываются силовые структуры. В последнее время возможности, открытые только элитным рыболовным лагерям, первоначально ориентированным на иностранный и российский бизнес, становятся доступными и для владельцев рыболовных участков, и для “широких масс” туристов.

Исторический ракурс позволяет увидеть индивидуальность и синтетический характер ассамбляжа региональной северной рыбалки. В него включается множество активных элементов, демонстрирующих возможность объединения и нелинейного изменения (Деланда 2018: 11, 20).

Рыбалка: теоретические, аналитические и методические рамки

Первоначальное приближение к осмыслиению проблематики нашей полевой работы (неформальное рыболовство) связано с неформальной экономикой, которая подчеркивает сложность изучаемых процессов многообразными терминами — это, например, “эксполярность” (Шанин 1999) или “сеть” (Барсукова 2000). Неформальная экономика предполагает множество теоретических подходов, но относительно устоявшимися считаются теория модернизации, неолиберальная, политэкономическая и институциональная теории (Williams 2023: 24–53)⁷. Среди авторов, разделяющих эти подходы, есть те, кто тяготеет к социологическому/антропологическому ракурсу исследования; они стремятся дать “более насыщенное”, в сравнении с узким экономическим, описание элементов неформального (Williams 2023: 117). Теория модернизации сводит элементы неформального к “большим” институтам, например к власти или к экономическим моделям. Однако такой подход подчас приводит к зависимости “культуры” и “морали” от “товаров” и “денег”: товары и деньги начинают предопределять культуру и мораль, вследствие чего последние больше не являются элементами “сборки”, именуемой в настоящей статье “ассамбляжем”. Экономико-социологический ракурс часто оставляет за рамками рассмотрения многообразие материального и сводит процессы к объяснениям “социологии социального” (Латтур 2014, 2021) через противопоставление двух противоположностей — власти и общественных объединений. Не приуменьшая значения данных эвристических моделей, отметим, что они не являются единственными возможными, но самое главное — они не позволяют разрешить стоящую перед нами проблему. Ее

решение видится нам во включении в аналитическую модель нечеловеческих элементов, в частности одного из ресурсов неформального рыболовства — горбушки. Естественнонаучный ракурс в этом случае не подходит, так как не учитывает социальное как воздействующее. Следующим шагом в нашем исследовании стал анализ теорий, демонстрирующих так наз. поворот к материальному. Из всего их многообразия мы остановились на сетевой теории Б. Латура и теории ассамбляжа М. Деланды. Схожесть взглядов этих авторов видится не только в снятии оппозиции “природное—социальное”, но и в уравнивании различных элементов сети (или ассамбляжа), их возможностей демонстрировать индивидуальную силу в выявлении разнообразия отношений между ними (*Латур 2021; Деланда 2018*). Социальная антропология также не отказывается от понятий “ассамбляж” и “сеть” в контекстах, близких к восприятию неформальной экономики (*Цин 2017*), в том числе в контексте территории Российской Арктики (*Копнов et al. 2022*). Модели Б. Латура и М. Деланды являются также предметом теоретического интереса антропологов (*Jensen et al. 2017*).

Различие этих двух теорий “материального поворота” связано с более корреляционистской позицией Б. Латура (*Харман 2017: 23–24*). У Б. Латура “формирование” и “затягивание” узлов сети приводят к соперничеству различных силовых полей, к необходимости обоснования их сил и к демонстрации асимметрии актантов (*Латур 2015: 220–239*). Возможность раскрытия различных смыслов неформальной рыбалки⁸ связана с плоской онтологией⁹, которая аксиоматически устанавливает приоритет горизонтальных связей над вертикальными. “Ассамбляж” — центральное понятие теории М. Деланды, важное для нашей статьи, — обнаруживает свои истоки в философии Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Оно может переводиться на русский как “расположение”, “компоновка”, “расстановка”, “устройство” и, наконец, “сборка”. Однако закрепление самим М. Деландой понятия “ассамбляж” символизирует его собственный “перевод” философского концепта на язык социальной теории (*Деланда 2018: 9*). Ассамбляжи сочетают глобальное и локальное именно в одной плоскости: они экстериорны, включают гетерогенные компоненты без приоритета одних над другими. Причем одни ассамбляжи могут выступать частями других — более крупных, это обусловливается внутренними горизонтальными компонентами и определенным (своим) местом внутри больших построений (*DeLanda 2016: 9–10*). Ассамбляж в трактовке М. Деланды имеет три оси: “материальность—экспрессивность”, “территориализация—детерриториализация” и “кодирование—декодирование” (*Деланда 2018: 21–25*). Плоская онтология М. Деланды не свободна от противоречий (*Шевченко 2020; Wolfendale, Brassier 2014*), которые ее критики видят в традиционных аргументах “философий доступа”¹⁰.

Компоненты ассамбляжа играют вариативные роли. Рассмотрим неформальную рыбалку на конкретной территории, акцентируя внимание на оппозиции материального и экспрессивного. Возникает вопрос: что может добавить рассмотрение ассамбляжа рыбалки к классической социологической логике?

“Рыбалка” — довольно удобный, используемый в быту термин, который отражает сложное сочетание компонентов, несводимых друг к другу. Это масштабируемая сеть с различным числом составляющих, многообразными взаимодействиями и нелинейными причинно-следственными связями. Так, элементы северной рыбалки демонстрируют контингентные и эмерджентные свойства в противоречивом отношении к горбушке на севере и на юге региона, в то время

как семга повсеместно воспринимается как рыба-символ. Наше внимание сосредоточено на материальных сущностях, обладающих способностью изменять ассамбляж, которые не воспринимаются в качестве значимых в рамках классической социологии. Акцент исключительно на анализе поведения отдельных рыбаков или отдельных сообществ туристов, поморов, “северян” не позволяет ответить на вопрос о различных статусах семги и горбуши. И семга, и горбуша обладают собственными нематериальными и символическими ресурсами, которые маркируются территориально – как “элитные” рыболовецкие лагеря на северных реках. Рыбалка как ассамбляж объединяет анализ на макро- и микроуровне, не позволяя отождествлять себя исключительно с товарно-денежными отношениями или психологией отдельных рыбаков.

М. Деланда определяет материальное через физическое (телесность), не противопоставляя одно другому (Деланда 2018: 22). Экспрессивное вмещает широкое поле обобщающих поддерживающих солидарность элементов – от языка и генов до символов и идентичностей (Там же: 33)¹¹. В материальном выделим один из видов добываемой в регионе рыбы – тихоокеанского лосося (горбуши). Экспрессивное будет представлено нормативной составляющей, которая формулирует рамки и правила действий, а также предопределяет солидарность человеческих компонентов ассамбляжа. Не менее важны исторический и территориальный контексты, показывающие сложность формирования ассамбляжа неформальной рыбалки на Кольском полуострове. “Хронос” и “топос” в нашем случае выступают в качестве постоянных факторов усложнения предметов, мест, властных отношений разного масштаба и приводят к изменению ассамбляжа.

В данной статье нас будут интересовать два концепта теории М. Деланды в разрезе вариативности и синтетичности ассамбляжа – материальное и экспрессивное¹². Выявленная в ходе наших полевых наблюдений проблема “недовлетворенности обилием”, которую мы обозначили выше, переводится на язык теории М. Деланды следующим образом: способно ли материальное (с сильным количественным весом), выполняющее вариативную роль в ассамбляже, быть также и синтезирующим элементом? Эмпирика подсказывает, что такая потенциальная возможность имеется: так, число рыбаков в регионе увеличивается в периоды хода горбуши, большое количество которой приводит к изменению рыбалки. Но можно ли утверждать, что горбуша аналогично семге символически связывает ассамбляж? Или нужно говорить о формировании нового ассамбляжа?

Поскольку круг проблем определен, нет необходимости заниматься всеми элементами ассамбляжа (так зачастую поступает и сам Деланда)¹³, отметим лишь, что пространственный ракурс Северов отсылает к материальности и территориализации в концепции М. Деланды. Севера раскрывают различные формы собранности разных ассамблажей рыбалки (“неформальных практик”) на одной или нескольких территориях. Исторические сюжеты, связанные с ассамблажем кольского рыболовства, показывают формирование всевозможных его элементов: от предметно-вещевых и пространственных до экспрессивных. Ось “материальное–экспрессивное” и компоненты, способствующие синтезу/стабилизации (или вариативности – от изменяемости до трансформации [Деланда 2018: 21]), задают сетку различий и план дальнейшего изложения. Сначала на примере “рыбной составляющей” как элемента материального разбираются ее, выражаясь языком М. Деланды, способности синтеза/вариативности. Затем

анализируется экспрессивность этих способностей на примере нормативности и солидарности.

Перед изложением основного материала эксплицируем методику наших полевых исследований. Сбор данных осуществлялся в нескольких муниципальных образованиях Мурманской области¹⁴. В работе использовались стандартные способы социально-антропологического/этнографического исследования: “снежный ком”, интервьюирование (полуструктурированное интервью), включенное наблюдение, а также приемы визуальной антропологии и ведение полевых заметок¹⁵.

Предварительный анализ полевого инструментария был проведен участниками проекта онлайн и на очной встрече в г. Мурманске, затем осуществлялись промежуточные онлайн-консультации, включающие обмен информацией, корректировку методики, локаций и объектов наблюдения в соответствии с изменяющимися условиями, задачами и планами (по аналогии с методикой “длинного стола” [Штейнберг 2021]). Период сбора полевых материалов – первый и третий кварталы 2022 г. В ходе полевых работ с согласия респондентов проводились глубинные интервью ($N = 30$) с фиксацией на диктофон. Были учтены и существенные устные комментарии, сделанные собеседниками, отказавшимися от записи.

Интервьюирование проходило в различных локациях – от магазинов и улиц до кабинетов чиновников и дачных домиков. Наблюдения, записи, фиксация информации на фотоаппаратуру делались в местах продажи символики рыболовства и сувенирной продукции, в пунктах официальной продажи рыбы и ее приема, в точках расклейки объявлений о рыбной ловле и приеме рыбы. Осуществлялся сбор материальных свидетельств, связанных с рыбалкой: “Памятка рыболова”, отдельные номера местных газет.

Следует указать на сложности интервьюирования и частые отказы от него. Показательна фраза одного из местных жителей юга Кольского полуострова: “А, это вы – ребята-социологи. Давайте – до свидания!”. Наш собеседник вспомнил, что в советское время на вопрос исследователей о ловле атлантического лосося (семги) рыбаки прибегали к жестам: прикасались пальцем к губам, сигнализируя о необходимости молчать, а потом добавляли тихим голосом “секретная информация”. Не правда ли, реакции сопоставимы. Однако заметим, что в целом местными жителями были даны достаточно содержательные и разнообразные ответы на тему неформальной рыбалки.

Материальное: горбуша и семга. Горбушу – одну из основных рыб, добываемых сегодня и туристами, и местными, – можно рассматривать в качестве материального элемента в ассамблаже неформальной рыбалки Кольского полуострова (как объект, обладающий телесностью, предметностью, занимающий свое место в мире).

Фигура горбушки объединяет в себе почти исключительно утилитарные составляющие: это материализованный ресурс, продукт питания, возможность заработка. Самим своим появлением в регионе и связанными с этим последствиями горбуша демонстрирует нелинейную логику развития ассамблажа рыбалки и возможность включения в него множества внешних компонентов. Горбуша маркирует настоящее как изобильное и одновременно негативное. Она заставляет формулировать тактические цели, связанные с изменением норм рыболовства, в сторону упрощения получения разрешений на вылов избыточного количества рыбы.

Как указывалось выше, мы рассмотрим два параметра материальной составляющей горбуши – синтетический и вариативный. Горбуша является наиболее удачно акклиматизировавшимся видом дальневосточного лосося, который со второй половины 1950-х годов был вселен в Баренцево и Белое моря (*Лоенко и др.* 2000). Интродуцент был завезен после научной экспертизы биологов и активно изучался в последующие годы, когда молодь горбуши выпускалась в количестве от нескольких сотен до миллиона единиц. Взаимодействие горбуши с автохтонными обитателями водоемов воспринималось в контексте ее защиты как новичка от рыб-старожилов северных водоемов (*Бакштанский* 1970). Сциентистский энтузиазм охлаждали голоса местных скептиков: “Сколько боролись в 60-е года, когда запустили. Отец говорил, и деды все говорили, что не нужна горбуша” (ПМА: № 2, м.).

В современной ситуации горбуша еще в большей степени становится агентной, в нечетные годы существенно изменяя различные аспекты жизни населенных пунктов региона, имеющих связь с морями. Так, 2021 г. многие называли одним из самых необычных, когда говорили о количестве горбуши: “Она выпрыгивала из сетки, стояла, кищела” (ПМА: № 11, м.). Назывались объемы: примерно 700 т (*Войнило* 2022). Положительно окрашенные оценки “изобилия” горбуши в подаче местной прессы воспринимаются местным населением негативно¹⁶. Здесь уместно сослаться на заимствованное у жителей Норвегии “прозвище” горбуши – “зомбуша” (ПМА: № 26, м.). Рыба ассоциируется с земноводными: “в болоте мы перешагиваем ее, в болоте – гора, вот просто брали руками ее” (ПМА: № 6, ж.). Количество горбуши становится проблемой из-за ее недовыловленности: берега водоемов усеяны умершими особями, издающими неприятный запах, – указывают респонденты. Здесь важна скорее не “объективная” оценка запаха, а обобщенное восприятие ситуации как “из ряда вон выходящей” и заставляющей обозначать свое отношение к ней местных жителей.

Семга и горбуша выступают как противоположности. Семга – эксклюзивна и традиционна. Она синтезирует, связывает в единую последовательность прошедшее (“время отцов и дедов”) и вызывающее опасения будущее, поскольку атлантического лосося (семгу) необходимо сохранить, “чтобы внукам, потомкам что-то осталось” (ПМА: № 15, м.). Фигура семги – это материальный ресурс поддержки общественных связей внутри сообщества поморов и – шире – жителей севера; ее символический статус – “царская рыба”. Семга выражает исторически и структурно оформленные паттерны взаимодействия со средой: от организации и периодичности промысла до традиции подарков и праздников. Однако эти взаимодействия сложно свести исключительно к моральной экономике или межгрупповым дарам-обменам, поскольку существуют “посредники”, такие как климат и календарные праздники, влияющие на промысловый цикл и его содержание.

В противопоставление белорыбице семга воспринимается как рыба в целом (*Лайус Ю.А., Лайус Д.Л.* 2010: 18), горбуша же, которая тоже является красной рыбой, – как пришлая обитательница водной стихии, переворачивающая сформированный социальный порядок с ног на голову. Показательно расположение других видов рыбы в своего рода рыбной иерархии. Так, один из наших собеседников утверждал, что при поимке горбуши и не всегда любимой рыбаками “костлявой” щуки, предпочтение отдается последней: “там не надо труда столько вкладывать” (ПМА: № 4, м.). Усилия как дополнительный маркер раскрывают

многоуровневую шкалу ценности различных пород рыбы: одних мало, других много; одни поймать относительно просто, другие нет. Горбуша, если не рушит, то расшатывает эту шкалу: вылов ее легок, она доступна. Такому восприятию не мешает тот факт, что горбуша является ценным ресурсом, на котором можно хорошо заработать.

Горбуша побуждает и заставляет менять сложившиеся иерархии оценок и ценностей путем вмешательства в экономику рыбалки. И это отдельная, большая тема. Отметим только, что для любой рыбы цена “для своих” ниже, чем цена “для чужих”, а под “чужими” понимаются не столько приезжие, сколько все те, с кем у местных рыбаков нет неформальных контактов. Ход горбушки заставляет менять отношение местных к рыбалке в целом.

Общее место в интервью – восприятие горбушки как сорной рыбы. Не удивительно, что люди раздают ее. “Я сам ходил и раздавал то же самое. Штук 30 отдал” (ПМА: № 26, м.). Это не мешает местным жителям сохранять горбушу в замороженном виде на протяжении года как для своих нужд, так и на продажу (в “ заводской ” пэт-упаковке). Даром отдают горбушу и туристы: “Люди, которые приезжали из Твери, из Москвы, отовсюду, я видел, мужики просто ловили и раздавали местным эту рыбу” (ПМА: № 6, м.). Фрейм рыбы как подарка – стандартная рамка отношений в любом приморском сообществе. Но в нашем случае перед нами не дар, о котором говорил М. Мосс (*Moss 2011*), скорее речь идет об отдаче на границе морального и экономического даров¹⁷. Дар горбушки отчасти смыкается с потлачем, подчеркивая социальный капитал рыбака, который активно действует (ловит) и обладает за счет своей активности ресурсом, который отдает другому. В рамках такого контекста семга вновь оказывается на другом в сравнении с горбушей полюсе – полюсе даров-обменов в их классической форме¹⁸: “Да все у нас у магазинов, вокзалов рыбу семгу покупают и везут отсюда. <...> Просто везут как подарок” (ПМА: № 11, м.).

Однако рыбалка не исчерпывается элементами солидарности, проявляющимися в дарах и обменах. Существует определенное напряжение между местными рыбаками и приезжими; в качестве локаций исходящих турпотоков в интервью звучали такие регионы, как Карелия, Ленинградская и Тверская области, а также столицы (Москва, Санкт-Петербург), жители которых упоминались не единожды.

Считается, что приезжие обладают большими ресурсами: “Причем люди приезжали сюда на территорию, покупали холодильники, шуровали обратно, по трассе шли. Оно все оправдывается” (ПМА: № 12, м.). К тому же и местные рыбаки, как говорят они сами, в зависимости от возможностей вылова, разделяются на две крайние группы: “капиталистов” и “бичей”:

Горбуша идет июль-месяц, самая жара. Это значит, у тебя должно быть наличие холодильников, логистика, если так серьезно говорить. Кто-то ловит и могут заработать за это время. И слава Богу, они деньги-то домой принесут. Но чтобы это сделать, тебе нужен первоначальный капитал очень хороший. У бичей этого капитала нет (ПМА: № 24, м.).

Жаркое время горбушевого хода порождает не только отношения связности, но и конфликты. С точки зрения местных, в этом вина приехавших – лимиты¹⁹:

Ресн.: И с этим надо что-то делать. Потому что сейчас опять будет ругань, поножовщина из-за чистки горбуши. Ее же чистят прямо на берегу, бросают. Вонища невозможная.

Инт.: А поножовщина, в смысле, прямо это?

Ресн: Начинается. Вы тут приехали. Нас...те (исправнитесь. — Авт.), слово за слово, и конфликт. С тройниками²⁰ в башке сколько в больничку привозили (ПМА: № 26, м.).

В то же время агентность горбуши проявляется не только в эскалации напряжения, но и в его снятии. Все наши собеседники считают, что нужно “что-то делать”; эта фраза могла бы восприниматься как реплика в сторону, если бы не последние сообщения в средствах массовой информации об увеличении квот на вылов и не пресс-конференция губернатора области, затронувшего эту тему (Браконьеры... 2023). Смысл интенций рыбаков заключается в том, что необходимо разрешить любительскую добычу горбуши за пределами рыболовных участков (Жителям Заполярья... 2021). Следует заметить, что нововведения открывают большие возможности для вылова горбуши не в реках, а в море, кроме того, утвержден перечень рек, где лов вообще запрещен, поскольку там нерестится семга. Отметим, что первые оценки этих послаблений, высказанные рыбаками Мурманской области, различаются. Так, на крупнейшей онлайн-площадке “Мурманский рыболовный форум” нередко пишут о том, что нововведения фактически не повлияют на сложившееся положение дел: “Похоже будет как в 2021 г. ловить будут ВСЕ и ВЕЗДЕ, а гонять будут чаще сеточников и изредка любителей уды и спиннинга” (Мурмаш 2023). Независимо от того, будут ли эти нововведения надолго зафиксированы, либерализованы, расширив возможности лова горбуши, или, наоборот, отменены, — можно предположить, что “волна горбуши” будет размывать сложившиеся нормативные границы. Нелегальный лов рассматривается многими рыбаками как возможный, но сложно настраиваемый процесс, регулируемый формальными рамками: “С одной стороны, не дать поймать семгу. С другой стороны, дать поймать горбушу” (ПМА: № 7, м.). В непосредственном общении с рыбаками выясняется, что нормы оказываются еще более неопределенными, чем может показаться на первый взгляд: “Горбушу в прошлом году многие ловили. <...> Их никто не гонял. Меня порадовала позиция надзорных органов, которые не гоняли людей” (ПМА: № 10, м.). Выраженная позиция не означает полного одобрения нелегального вылова; в том же интервью собеседник указывает, что он против вылова сетями. Таким образом, в данном случае рыбалка (если иметь в виду лов горбуши) демонстрирует нечеткость нормативных границ, а сама горбуша — необычные проявления неформального вылова в северных водоемах, а отнюдь не существующую серую зону²¹.

Важно, что ситуация негативного восприятия горбуши не может быть объяснена простым вторжением неценного инвазивного вида, который якобы вредит популяции более ценной семги. Горбуша в силу своего изобилия, особенно в путьину 2021 г., влияет на неформальные рыболовные практики юга Кольского полуострова; она расценивается как средство получения хорошего заработка и одновременно как бросовая рыба. Горбуша и семга — материальные составляющие ассамбляжа неформальной рыбалки на Севере. Первая действует синтетически, когда подключает внешние элементы (другие территории, людей, отчасти дары и обмены), но чаще она выступает в вариативной роли. Вторая выполняет

пограничную материально-экспрессивную роль, подчеркивая региональную поморскую особость и солидарность. В этом смысле дихотомия М. Деланды “материальное–экспрессивное” позволяет лучше понять различие в восприятии этих двух рыб.

Экспрессивность: рыбачья солидарность (неформальная рыбалка и “правильные” браконьеры). “Вот у меня товарищ вышел на речку с удочкой, а ему уже отыскающие на речке говорят: типа, будьте осторожны, здесь инспекция ездит. Они понимают, что он браконьер, наверное, нарушает. Но это такое вот...” (ПМА: № 6, м.). Так наш собеседник определил странную взаимопомощь находящихся около водоема рыбаков, в которой сквозит скрытое противостояние людям, облеченным властью. Сделанное отыскающими предупреждение – отнюдь не поддержка ненормативных действий, а сигнал, выражющий синтетическую “среднюю позицию” между приятием и неприятием власти местным сообществом. Дополнительный словесный маркер осознания ситуации (“ну это такое вот...”) демонстрирует неопределенность отношения к неформальной рыбалке, широкое поле синтеза различных вариантов самоидентификации неформального и одновременно устойчивость серой зоны неофициального рыболовства.

Одной из крайностей восприятия неформальной рыбалки является осуждение браконьерства. Это общее место в ответах респондентов²². Другая крайность – реализация возможности вылова всего и вся: “Сколько ловится, столько ловим до упора” (ПМА: № 16, м.). Неприятие неформальной рыбной ловли редко бывает безоговорочным: чаще учитываются многочисленные “корректирующие” факторы. Крайности проявляются и в оценках этих практик: от утверждения “абсолютно все браконьеры” (ПМА: № 6, м.) до описания искоренения браконьерства и неограниченного лова через легализацию (путем приобретения лицензий и квот) и осознание таких способов добычи рыбы как устарелых (ПМА: № 16, м.). Ассамбляж неформальной рыбной ловли может соотноситься с историческими и традиционными ее обоснованиями. Понимание рыбного лова – от браконьерства до допустимых неформальных практик – связывается с изменением соотношения его компонентов, которые отменяются и/или дополняются новыми. Исторические изменения в восприятии наших респондентов становятся всеобщим уравнителем, который раскрывает и варианты такой замены.

Социальный портрет браконьера-рыболова выстраивается посредством противопоставления государства и местного сообщества; чаще всего такой портрет воспроизводится через обращение к причинно-следственной логике. К факторам, способствующим развитию браконьерства, относят: условия сложных 1990-х годов, ментальность, неясность правовых норм, потребность в рыбалке как отдыхе, возможности “хода рыбы” (Гущин и др. 2010). Все эти факторы просматриваются и в интервью наших респондентов: в словоупотреблении – на границе столкновения социальных норм и практик (Сергеев и др. 2022).

Факторами, конституирующими допустимость браконьерства, являются вещи и места²³. К вещевым компонентам относятся, в частности, различные орудия лова, которые – самим наличием и “участием” в вылове рыбы – “заявляют” о своей нормативности, раскрывая несостоятельность формальных норм. Так, с точки зрения некоторых информантов, удочкой можно ловить везде. Более того, в качестве орудия лова часто допустимы сеть или сачок. И здесь в игру вступает искусство рыболова, который за короткое время может удочкой

или сачком поймать много рыбы. Понимание допустимости или недопустимости мест лова самими рыбаками не совпадает с определением таких мест законодательством. Вдобавок к этому, формальные разрешения могут обходиться с помощью скрытых орудий лова и умолчания в отчетах о содержании вылова.

Экспрессивность, по М. Деланде, не представима без языка. Лексическая составляющая разговоров о нормах достойна отдельных публикаций. Сочный язык, отсылающий к 1990-м годам – поре первоначального накопления капитала (браконьеры = “брокеры”), к повседневности рыбака (“черпать”, “царапают потихоньку”) и работе рыбинспекции (“пальцем пожурят”), фиксирует реалии нормативности и отношения к ней. С одной стороны, обращает на себя внимание тяжесть и сложность неформальной занятости: “Вместо того чтобы на рыбалку покупать снасти, сетку, бояться, переживать за то, что меня поймают, мне оно не сильно нужно. Поэтому сейчас я перешел на лодомоторный отдых, мне нравится просто кататься по озерам на лодках, ночевать в палатках, сидеть у костра, кушать тушенку с макаронами, это все мое прямо” (ПМА: № 9, м.). Оговорки в описаниях неформальной рыбалки подчеркивают ее “попутность” и поиск через нарушения “золотой середины” (“более-менее”, “не превышая”). Таковы рамки неформальных практик. Однако слова, используемые респондентами, очерчивают и иной, больший масштаб, акцентирующий внимание на солидарности и идентичности: “Надо ловить только такую, которую ты съешь. Но нельзя ловить больше, чем ты съешь. Все равно некоторые моменты приличия у людей остались. И это хорошо, это нас и отличает” (ПМА: № 9, м.).

Выразителен элемент противопоставления в интервью местных и приезжих с точки зрения солидарности. “Иногородние” – это жители другого населенного пункта, другого района области или инообластные²⁴. “Другими” называются туристы-рыбаки, сплавщики²⁵, жители столиц. Они в подтексте сказанного обозначаются временщиками и рыбаками “по случаю”, в отличие от местных жителей. Браконьерство, в контексте рассуждения о приезжих как основных браконьерах, воспринимается негативно даже теми местными, кто позволяет себе ставить сетки: “Я сам сетки срезал”.

Однако сводить неформальный лов только к оппозиции “свои–чужаки” (Гаврилова 2019) будет упрощением. Чужаками “становятся” из-за нарушения формальных и неформальных норм (лов рыбы без лицензии сплавщиками, загрязнение берегов потрошенной рыбой без икры) или социальных представлений о норме. На границе с такими “чужими” находятся и те “свои”, кто приобретает дорогую машину или строит дом на, так сказать, неофициальные трудовые доходы. К “чужим” относятся и саамы, которые получают льготы по вылову как “коренные жители” и потенциально могут перекрывать допустимый объем. Наконец, браконьер – это иногда целенаправленно отдаляющийся от общества человек: “Это маргинальство. Я не знаю точного термина. Но это люди, которые асоциальны, они не хотят встраиваться в общество” (ПМА: № 7, м.)²⁶. Напротив, когда местный ловит сетью (иногда и “для себя”) в относительно небольших объемах, то это воспринимается как нечто допустимое. Обоснованием таких “двойных стандартов” становится “традиция” рыболовецкого региона: “наши отцы, наши деды всегда ловили рыбу сетями, и всегда рыба была” (ПМА: № 9, м.). Неформального рыбака оправдывает и вид выловленной рыбы (горбуши): “Не лицензию надо продавать, а людям платить, чтобы это г... но вылавливали” (ПМА: № 4, м.).

Браконьером воспринимается чужой, находящийся за границами сообщества. Это может быть и местный радикальный нарушитель норм органической солидарности, и тот, кто действует вопреки сложившимся историческим и социальным практикам. Символом расшатывания традиционных устоев воспринимается горбуша, масштабы путинь которой в 2021 г., по крайней мере на Терском берегу и в Кандалакшском районе Мурманской области, привели к массовому вовлечению в ее неформальный вылов приезжих рыбаков-туристов, местных жителей, а также к возникновению временной цепи поставок икры и рыбы в Москву, Санкт-Петербург и другие регионы.

* * *

Ассамблажная теория располагает неформальную рыбалку в горизонтальной (плоской) онтологии, что позволяет снять стандартные противопоставления власти и общества, характерные для классической модели неформальной экономики, предполагающей вертикаль институциональных и экономических объяснений. Ассамблаж рыбалки на Кольском полуострове имеет историю, формирующую его специфику и определяющую особенности его понимания и сегодня, что прежде всего проявляется в соотнесении материального и экспрессивного полюсов неформального рыбного лова. Важно и то, что пространства неформальных практик могут масштабироваться. Рассмотрение Северов раскрывает различные возможности изменения ракурса восприятия рыбалки и неформальных практик в территориальном и ресурсном отношениях, а также расширяет исследовательскую перспективу. Исторические сюжеты демонстрируют специфическую устойчивость кольской рыбалки во времени и пространстве.

Полевые исследования дополнили стандартизованный портрет браконьера, выделив, в частности, такие элементы его экспрессивной составляющей, как солидарность и нормативность, задающие образцы поведения. Нарушитель – это всегда другой, тот, кто не связан с местным сообществом или его нормами, маргинал. Причем такие неформальные нормы возникают и определяются в контексте поиска оптимального варианта и золотой середины.

Горбуша – не единственный элемент материальности в ассамблаже. Но именно она обладает большой силой и воздействует на другие составляющие ассамблажа: от ландшафтов и способов рыбалки до действий туристов и местных властей. Горбуша не до конца выполняет синтетическую роль и даже стимулирует конфликты.

Изложенный материал показывает, что горбуша (обладающая экстериорностью) – это элемент, изменяющий ассамблаж. Семга же занимает промежуточную позицию между материальным и экспрессивным и имеет выраженное ценностное содержание – воспринимается как рыба, символизирующая идентификацию с местом и историей. Составляющие экспрессивного полюса – солидарность и нормы – фиксируют довольно широкое поле вовлечения в серую зону одобряемых действий. Экспрессивное (воплощенное, в частности, в подарках и обменах) подчеркивает разделение на “своих” и “чужих” или включение в разряд “своих” посредством разделения одобряемых действий (синтезирующие функции) и противоречий, доходящих до конфликтов (вариативные функции).

Отсутствие позитивного восприятия горбуши при ее обилии может быть объяснено “покушением” на позиции семги – рыбы, прочно связанной с местом

и историей. Эта связь не может быть заменена только за счет количественного превалирования “дальневосточной гости”. Горбуша должна включать и экспрессивные элементы, что, возможно, позволит ей стать синтезирующим элементом ассамбляжа северной рыбалки.

Примечания

¹ О различии “Сéвера” и “Северóв” см.: *Мюклебуст и др.* 2016. В широкое понятие “Сeверa” включается в данном случае и Сибирь.

² Кроме рыболовства, близким к браконьерству или собственно браконьерским является отстрел оленей местным населением или приезжими (*Головнёв* 2016; *Клоков* 2020; *Шаховцов и др.* 2015). Подчеркнем, что местные жители отнюдь не всегда являются представителями “коренных малочисленных народов Севера”.

³ Формулировка Т.А. Бернштам. Первоначально М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым использовалось понятие “хозяйственно-культурный тип”.

⁴ Смена орудий лова и/или наделение их дополнительными свойствами (электронная удочка, забор/РУЗ – рыбоучетное заграждение) – отдельная захватывающая тема будущего историко-социологического анализа.

⁵ Не исключались и “более капиталистические” торги (*Власова* 2021: 61–62).

⁶ Исключением являются художественные произведения А.Н. Никитина и В.С. Маслова, описывавших среди прочего проблемы рыболовства в Мурманской и Архангельской областях.

⁷ О несколько другой терминологии теорий неформальной экономики см.: *Dell'Anno* 2022.

⁸ И если “рыбалка” в нашей статье отсылает к неформальным определениям в речи наших информантов, то “рыболовство” – к нормативному стилю юридических документов.

⁹ К тем авторам, чьи работы стимулировали развитие идеи плоских онтологий, можно отнести широкий круг теоретиков – от Б. Спинозы до Ж. Делёза. А к тем, кто ассоциируется с этой теоретической рамкой в приложении к антропологии, кроме М. Деланды и Б. Латура, можно назвать А. Мол, И. Цзин.

¹⁰ Учитывая не исключительно теоретический ракурс статьи, остановимся лишь на одном противоречии, отмечаемом критиками Деланды: на различии “метафизического и эпистемического значений ассамбляжа” или акценте на “трансцендентальной необходимости частей и целого” (*Шевченко* 2020: 143, 150). Эти упреки в целом нерелевантны для спекулятивных реалистов, а в случае с ассамбляжами подменяют аксиоматику, так как для М. Деланды оси и элементы ассамбляжа находятся на одном уровне. Иными словами, каждый из оппонентов акцентирует внимание на свойствах, важных для него. Критика концепции Деланды показывает сложность построения “горизонтальной эпистемологии”. Неизбежно выделение тех или иных элементов, которое определяется концептуальной рамкой и проблематикой. В статье такими элементами являются семга и горбуша.

¹¹ По Деланде, классическими компонентами экспрессивности являются язык и гены. В связи рыбалкой этот аспект рассмотрен на примере языковых игр в витгенштейновской оптике (*Сергеев и др.* 2022).

¹² Ось “синтетическое–вариативное” четко не эксплицирована Деландой, но выстраивается самой его логикой анализа ассамбляжа, необходимостью его “стабилизации”. Она выявляется, например, в употреблении синонимов и близких по смыслу терминов. Так, упоминается о вариативных ролях или синтетических процессах (*Деланда* 2018: 21, 25).

¹³ Описание полного ассамбляжа даже исключительно в нарративном ключе – задача сама по себе нетривиальная и интересная, однако она выходит за рамки проблематики статьи.

¹⁴ Следуя этике проведения полевых исследований и традиции публикаций о неформальных практиках (см., напр.: *Клоков* 2020), мы не указываем личные данные информантов и конкретные населенные пункты. Интервью пронумерованы, указан пол собеседника.

¹⁵ О методике см. цитируемые ниже статьи журнала “Этнографическое обозрение” и недавние работы (напр.: *Ермолин и др.* 2022).

¹⁶ Такие мнения звучали в подавляющем большинстве интервью.

¹⁷ О разграничении обмена как дара, пронизанного свободой, и товарного обмена см.: *Цзин* 2017.

¹⁸ На материале Кольского полуострова об этом, в частности, см. у Ю. Константинова (*Konstantinov 2017*).

¹⁹ В роли лимиты могут выступать и жители других населенных пунктов области, в частности из столицы региона.

²⁰ Тройник – рыболовная снасть с тремя крючками.

²¹ Серая зона – область, в которой организации/люди работают на грани законности или нарушают нормы и правила; стандартное определение, используемое для описания неформальных практик (*Шанин 1999*).

²² Не стоит забывать о социально одобряемом ответе, как о первой реакции на сложный вопрос о нарушении формальных правил.

²³ В данном случае выход за рамки экспрессивного демонстрирует связанность различных компонентов ассамбляжа.

²⁴ В качестве “алаверды” приведем мнение приезжих туристов о том, что “в Карелии рыбы больше”, а также об их негативном отношении к разнице в цене лицензии для жителей области и для приезжих.

²⁵ Здесь также возможна аллюзия на негативное влияние на рыбу сплава леса в более ранние – советские – годы.

²⁶ Неологизм “маргинальство” довольно примечателен. Понятие “маргинальность”, акцентирующее внимание на промежуточности положения человека и социальной группы в социальной структуре общества, а также на их определенной асоциальности, помогает зафиксировать социальные крайности, а значит, и социальные практики, которые обычно не воспринимаются таковыми ни находящимися рядом людьми, ни приезжими исследователями. Как знакомое слово изменяется в речи, так и предпонимание рыбалки оказывается по-иному пересобранным и переформатированным в поле.

Источники и материалы

Браконьеры... 2023 – Браконьеры и горбуша сокращают количество семги в водоемах Мурманской области // Интернет-издание “КолаНьюс” (Kn51.ru).

18.01.2023. <https://kn51.ru/2023/01/18/brakonery-i-gorbusha-sokrashhayut-kolichestvo-semgi-v-vodoemah-murmanskoy-oblasti>

Войнило 2022 – Войнило Р. В 2023 году в Мурманской области ожидается изобилие горбушки // Мурманский вестник. Новости Мурманска и Мурманской области. 08.12.2022. <https://www.mvestnik.ru/newslett/v-2023-godu-v-murmanskoy-oblasti-ozhidaetsya-izobilie-gorbushi>

Жителям Заполярья... 2021 – Жителям Заполярья разрешат любительскую добычу горбушки // Информационное агентство “СеверПост”. 18.09.2021. <https://severpost.ru/read/122737>

Мурмаш 2023 – [Пост пользователя с ником Мурмаш] // Мурманский рыболовный форум. 10.01.2023. <http://murman-fishing.ru/forum/viewtopic.php?f=55&t=773&p=590306&ysclid=lhdpe978x4142393923>

ПМА – Полевые материалы авторов. Мурманская обл.; январь–август 2022 г.

Научная литература

Бакштанский Э.Л. Скат молоди горбушки и кеты и причины его задержки в резках Кольского полуострова // Труды ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). 1970. Т. LXXIV. С. 129–143.

Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 1. С. 52–68.

Бернштам Т.А. Рыболовство на русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев

- Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXVIII. Л.: Наука, 1972. С. 63–98.
- Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.
- Васильева В.В.* Инфраструктура вне государства: “дикие” зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 61–75. <https://doi.org10.31857/S086954150006192-1>
- Власова М.Н.* Русский Север: брошенная земля. Фольклор “несуществующих” деревень (поэзия и проза: особенности и контексты бытования). СПб.: Пушкинский Дом, 2021.
- Гаврилова К.А.* Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 13–28. <https://doi.org/10.31857/S086954150006189-7>
- Головнёв А.В.* Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (4). С. 131–140. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.4.131-140>
- Гурина Н.Н.* Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1991. С. 164–181.
- Гущин А.В., Пысин И.И., Шаврина И.А.* Браконьер и браконьерство (попытка социального портрета) // Рыбное хозяйство. 2010. № 1. С. 32–34.
- Давыдов В.Н.* Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>
- Деланда М.* Новая философия общества: теория ассамблажей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Ермолин И.В. и др.* Методологические вызовы полевых исследований нелегального рынка биоресурсов // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 1. С. 125–153. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-125-153>
- Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаяев Архангельской губернии. Кн. 1. Архангельск: Губернская типография, 1869.
- Журавская Т.Н.* “Серый импорт” на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1. С. 54–71.
- Журавская Т.Н., Рыжова Н.П.* Призываю государство: нелегальная золотодобыча на российском Дальнем Востоке // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 29–44. <https://doi.org/10.31857/S086954150006190-9>
- Калюжин С.М.* Атлантический лосось Белого моря: проблемы воспроизводства и эксплуатации. Петрозаводск: Петропресс, 2003.
- Клоков К.Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 144–167. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1\(7\)-144-167](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1(7)-144-167)
- Кучинский М.Г.* Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 33 / Ред. Д.А. Функ. М.: Наука, 2007. С. 58–90.
- Лайус Ю.А., Лайус Д.Л. (ред.)* “Море – наше поле”. Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей XVII – начала XX вв. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010.

- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б.* Пастер: война и мир микробов, с приложением “Несводимого”. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021.
- Лоенко А.А. и др.* Горбуша в реках Кольского полуострова // Виды-вселенцы в европейских морях России / Ред. Г.Г. Матишов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С. 258–269.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
- Мюклебуст К.А. и др.* (ред.) Нет Севера, а есть Северá: о многообразии понятия “Север” в Норвегии и России. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2016.
- Панченко Д.В., Гильязов А.С., Шакун В.В.* Копытные Мурманской области и значение особо охраняемых природных территорий в их сохранении // Биота и среда заповедных территорий. 2020. № 3. С. 16–34. <https://doi.org/10.25808/26186764.2020.29.78.002>
- Сергеев А.М. и др.* Рыболовство как неформальная социальная практика сквозь призму концепции “языковых игр” Л. Витгенштейна // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 3. С. 111–118. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-3-12>
- Харман Г.* Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 1–34. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>
- Цзин А.Л.* Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Цылев В.Р.* Практики выживания жителей отдаленных поселков севера в современных условиях (на примере села Краснощелье Мурманской области) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 304–308. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-18>
- Шанин Т.* (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999.
- Шаховцов К.Г., Мамонтова Н.А., Функ Д.А.* Экономическая деятельность аборигенного населения // Культура и ресурсы. Опыт этнологического исследования современного положения народов Севера Сахалина / Ред. Д.А. Функ. М.: Демос, 2015. С. 108–168.
- Шевченко В.* Что не так с теорией ассамблажей? // Логос. 2020. № 30 (5). С. 131–164.
- Штейнберг И.Е.* Метод “длинного стола” в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.
- DeLanda M.* Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Dell'Anno R.* Theories and Definitions of the Informal Economy: A Survey // Journal of Economic Surveys. 2022. No. 36. P. 1610–1643. <https://doi.org/10.1111/joes.12487>
- Jensen C.B. et al.* New Ontologies? Reflections on Some Recent “Turns” in STS, Anthropology and Philosophy // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2017. No. 25 (4). P. 525–545. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12449>
- Konnov A. et al.* Traditional Livelihood, Unstable Environment: Adaptation of Traditional Fishing and Reindeer Herding to Environmental Change in the Russian Arctic // Sustainability. 2022. No. 14. P. 12640. <https://doi.org/10.3390/su141912640>

- Konstantinov Y.* Tourist Hegemonies of Outside Powers: The Case of Salmon Fishing Safari Camps in Territories of Traditional Land Use (Kola Peninsula) // Tourism and Indigeneity in the Arctic / Eds. A. Viken, D.K. Müller. Bristol: Channel View Publications, 2017. P. 87–104. <https://doi.org/10.21832/9781845416102-008>
- Konstantinov Y.* Power and the People: The State and Peripheral Communities in the Russian Far North. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-38306-9_1
- Lukin A.A.* The Present State of an Arctic Charr (*Salvelinus Alpinus L.*) Population in Lake Imandra Subjected to Over-Fishing // Journal of Ichthyology. 2013. No. 53. P. 804–808. <https://doi.org/10.1134/S0032945213100056>
- Muir M.A.K.* Illegal, Unreported and Unregulated Fishing in the Circumpolar Arctic // Arctic. 2010. Vol. 63. No. 3. P. 373–378.
- Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: SAGE Publications, 1995. P. 25–44.
- Sabev D.* Central Planning, Market and Subsistence from a Tundra Perspective: Field Experience with Reindeer Herders in the Kola Peninsula // *Rangifer*. 2002. No. 22 (4). P. 15–26. <https://doi.org/10.7557/2.22.4.1666>
- Vladimirova V.* Just Labor: Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2006.
- Williams C.C.* A Modern Guide to the Informal Economy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023.
- Wolfendale P., Brassier R.* Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Falmouth: Urbanomic, 2014.

Research Article

Kotkin, K.Y., A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova. Elements of Assemblage in Northern Informal Fisheries: Solidarity, Norms, Pink Salmon, Atlantic Salmon [Elementy sborki severnoi neformal'noi rybalki: solidarnost', normy, gorbusha, semga]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 6, pp. 152–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060081> EDN: VTERBA ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Konstantin Kotkin | <https://orcid.org/0000-0002-3281-3036> | kostyakotkin@rambler.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | Murmansk Regional Museum (1A Akademika Pavlova St., Murmansk, 183038, Russia) | Centre of Arctic and Siberian Exploration of the Sociological Institute Russian Academy of Sciences – A Branch of Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (25/14 7-Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia)

Andrey Sergeev | <https://orcid.org/0000-0002-1553-4238> | asergeev8@yandex.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | St. Petersburg State University (7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Vasiliy Voronov | <https://orcid.org/0000-0002-3109-3655> | voronov.mspu@rambler.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova St., Murmansk, 183038, Russia)

Veronika Simonova | <https://orcid.org/0000-0003-1167-7589> | v.simonova@socinst.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | Sociological Institute Russian Academy of Sciences – A Branch of Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (25/14 7-Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia) | Academy of Sciences, the Republic

of Sakha (Yakutia) (33 Lenina Av., Yakutsk, 677007, Russia) | National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg (16 Soyuza Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russia)

Keywords

informal fishing, Murmansk region, assemblage, M. DeLanda, solidarity, norms, pink salmon, humpback salmon, Atlantic salmon, salmon

Abstract

We approach informal fisheries in the Murmansk region by employment of the concept of M. DeLanda. DeLanda's concept mainly associates with the construction of a horizontal ontology, as an alternative to the traditional vertical structures that advocate a hierarchical understanding of the world and the exclusivity of humans. M. DeLanda's horizontal ontology allows considering different-level components of fishing in two interdependent axes: 1) "material – expressive"; 2) "synthetic – variable". The analysis of these axes allows us to analyze the problem of the lack of positive attitude of local population to the abundance of pink salmon, which is one of the most significant material components of the assemblage of informal fisheries in the Murmansk region. The theoretical explication of this problem is connected with the possibility of realising the synthesis of material elements, which – in themselves – are connected with different spheres of life activity. Historical and spatial plots show various aspects of the connection between the material and expressive poles of fish assemblage, and reveal the possibility of scaling the informal practices of the North particularly, in the Murmansk region. Pink salmon has the potential to change assemblage through exteriority – the inclusion of external elements. Figure of a salmon occupies a position between the material and the expressive stabilizing the assemblage of northern informal fishing and embodying the community's identification with place and its history. Solidarity sets patterns of behavior that define not only "us" and "them" but also the many in-betweens. Informal norms reflect perceptions of the image of the "golden mean" in fishing in the North. The connection to history and to a place, manifested in local identification, opens up the possibility of altering the agency of pink salmon in terms of expressivity.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-28-20435]

References

- Bakshtankii, E.L. 1970. Skat molodi gorbushi i kety i prichiny ego zaderzhki v rekakh Kol'skogo poluostrova [The Migration of Juvenile Pink Salmon and Chum Salmon and the Reasons for Its Delay in the Rivers of the Kola Peninsula]. *Trudy VNII morskogo rybnogo khoziaistva i okeanografii* LXXIV: 129–143.
- Barsukova, S.Y. 2000. Neformal'naia ekonomika i setevaia organizatsiia prostranstva v Rossii [Informal Economy and Network Organization of Space in Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* 1: 52–68.
- Bernshtam, T.A. 1972. Rybolovstvo na russkom Severe vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po kollektsiiam i arkhivnym materialam etnograficheskikh muzeev Leningrada) [Fishing in the Russian North in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (According to Collections and Archival Materials of the Ethnographic Museums of Leningrad)]. In *Iz kul'turnogo naslediiia narodov Rossii: sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [From the Cultural Heritage of the Peoples of Russia: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], XXVIII: 63–98. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 1978. *Pomory: formirovaniye gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Formation of a Group and the System of Economy]. Leningrad: Nauka.
- Davydov, V.N. 2019. Neformal'noe prirodopol'zovanie na Severnom Baikale: dobycha bioresursov v svobodnykh prostranstvakh [Informal Land Use in Northern Baikal: Extraction of Bioresources in "Free Spaces"]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>

- DeLanda, M. 2016. *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda, M. 2018. *Novaia filosofia obshchestva: teoriia assambliazhei i sotsial'naia slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity]. Perm': Gile Press.
- Dell'Anno, R. 2022. Theories and Definitions of the Informal Economy: A Survey. *Journal of Economic Surveys* 36: 1610–1643. <https://doi.org/10.1111/joes.12487>
- Efimenko, P.S. 1869. *Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev Arkhangel'skoi gubernii* [Collection of Folk Legal Customs of the Arkhangelsk Province], 1. Arkhangel'sk: Gubernskaia tipografia.
- Ermolin, I.V., et al. 2022. Metodologicheskie vyzovy polevykh issledovanii nelegal'nogo rynka bioresursov [Fieldwork Challenges Stemming from Doing Studies in Illegal Wildlife Trade]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 23 (1): 125–153. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-125-153>
- Gavrilova, K.A. 2019. Opasnoe prirodopol'zovanie: rybnye resursy i nostal'gija po gosudarstvu v Barents-Regionie [The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 13–28. <https://doi.org/10.31857/S086954150006189-7>
- Golovnev, A.V. 2016. Kochevniki Arktiki: strategii mobil'nosti [The Arctic Nomads: Strategies of Mobility]. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* 44 (4): 131–140. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.4.131-140>
- Gurina, N.N. 1991. Rybolovstvo i morskoi promysel na Kol'skom poluostrove [Fishing and Sea Livelihoods on the Kola Peninsula]. In *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita – rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy* [Fishing and Sea Livelihoods in the Mesolithic Era – Early Metal Era in the Forest and Forest-Steppe Zone of Eastern Europe], edited by N.N. Gurina, 164–181. Leningrad: Nauka.
- Gushchin, A.V., I.I. Pysin, and I.A. Shavrina. 2010. Brakon'er i brakon'erstvo (popytka sotsial'nogo portreta) [Poacher and Poaching (An Attempt of Social Portrait)]. *Rybnoe khoziaistvo* 1: 32–34.
- Harman, G. 2017. Seti i assambliazhi: vozrozhdenie veshchei u Latoura i DeLanda [Networks and Assemblages: The Rebirth of Things in Latour and DeLanda]. *Logos* 27 (3): 1–34. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>
- Jensen, C.B., et al. 2017. New Ontologies? Reflections on Some Recent “Turns” in STS, Anthropology and Philosophy. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale* 25 (4): 525–545. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12449>
- Kaliuzhin, S.M. 2003. *Atlanticheskii losos' Belogo moria: problemy vosproizvodstva i eksploatatsii* [Atlantic Salmon of the White Sea: Problems of Reproduction and Exploitation]. Petrozavodsk: Petropress.
- Klokov, K.B. 2020. Mezhdu gosudarstvom i rynkom: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia v sibirskikh selakh [Between the State and the Market: Informal Practices in the Use of Wildlife Resources in Siberian Villages]. *Etnografija* 7: 144–167. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1\(7\)-142-165](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165)
- Konnov, A., et al. 2022. Traditional Livelihood, Unstable Environment: Adaptation of Traditional Fishing and Reindeer Herding to Environmental Change in the Russian Arctic. *Sustainability* 14: 12640. <https://doi.org/10.3390/su141912640>
- Konstantinov, Y. 2017. Tourist Hegemonies of Outside Powers: The Case of Salmon Fishing Safari Camps in Territories of Traditional Land Use (Kola Peninsula). In *Tourism and Indigeneity in the Arctic*, edited by A. Viken and D.K. Müller, 87–104.

- Bristol: Channel View Publications. <https://doi.org/10.21832/9781845416102-008>
- Konstantinov, Y. 2023. *Power and the People: The State and Peripheral Communities in the Russian Far North*. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-38306-9_1
- Kuchinskii, M. 2007. Ritorika tradicionnosti i realii prirodopol'zovaniia [The Rhetoric of Traditionality and the Realities of Environmental Management]. In *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy* [Races and Peoples: Modern Ethnic and Racial Problems], edited by D.A. Funk, 33: 58–90. Moscow: Nauka.
- Laius, Y.A., and D.L. Laius, eds. 2010. “More – nashe pole”. *Kolichestvennye dannye o rybnymkh promyslakh Belogo i Barentseva morei XVII – nachala XX vv.* [“The Sea is Our Field”: Quantitative Studies in the White and Barents Seas, 17th – Beginning if the 20th Centuries: Materials for Environmental History of the Russian North]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Latour, B. 2014. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Latour, B. 2015. *Pasteur: voyna i mir mikrobov, s prilozheniem “Nesvodimogo”* [War and Peace of the Microbes, with an Application of the Irreductions]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Latour, B. 2021. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have Never Been Modern: An Essay on Symmetrical]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Loenko, A.A., et al. 2000. Gorbusha v rekakh Kol'skogo poluostrova [Humpback Salmon in the Rivers of the Kola Peninsula]. In *Vidy-vselentsy v evropeiskikh moriakh Rossii* [Invader Species in the European Seas of Russia], edited by G.G. Matishov, 258–269. Apatity: Izdatel'stvo KSC RAN.
- Lukin, A.A. 2013. The Present State of an Arctic Charr (*Salvelinus Alpinus L.*) Population in Lake Imandra Subjected to Over-Fishing. *Journal of Ichthyology* 53: 804–808. <https://doi.org/10.1134/S0032945213100056>
- Mauss, M. 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. *Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology]. Moscow: KDU.
- Muir, M.A.K. 2010. Illegal, Unreported and Unregulated Fishing in the Circumpolar Arctic. *Arctic* 63 (3): 373–378.
- Myklebost, K.A., et al., eds. 2016. *Net Severa, a est' Severá: o mnogoobrazii poniatija "Sever" v Norvegii i Rossii* [“Net Severa, a est' Severá”: The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia]. Moscow: URSS; LENAND.
- Panchenko, D.V., A.S. Giliazov, and V.V. Shakun. 2020. Kopytnye Murmanskoi oblasti i znachenie osobo okhraniaemykh prirodnnykh territorii v ikh sokhranenii [Ungulates of the Murmansk Region and the Importance of Protected Areas in Their Conservation]. *Biota i sreda zapovednykh territorii* 3: 16–34. <https://doi.org/10.25808/26186764.2020.29.78.002>
- Robertson, R. 1995. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In *Global Modernities*, edited by M. Featherstone, S. Lash, and R. Robertson, 25–44. London: SAGE Publications.
- Sabev, D. 2002. Central Planning, Market and Subsistence from a Tundra Perspective: Field Experience with Reindeer Herders in the Kola Peninsula. *Rangifer* 22 (4): 15–26. <https://doi.org/10.7557/2.22.4.1666>
- Sergeev, A.M., et. al. 2022. Rybolovstvo kak neformal'naia sotsial'naia praktika skвоз'

- prizmu kontseptsii “yazykovykh igr” L. Witgenshtaina [Fishing as an Informal Social Practice through the Prism of L. Witgenshtein’s “Language Games” Conception]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* 10 (3): 111–118. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-3-12>
- Shakhovtsov, K.G., N.A. Mamontova, and D.A. Funk. 2015. Ekonomicheskaiia deiatel'nost' aborigennogo naseleniia [Economic Activity of the Aboriginal Population]. In *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremenno-go polozheniia narodov Severa Sakhalina* [Culture and Resources: Experience of Ethnological Survey of the Current Situation of the Peoples of the North of Sakhalin], edited by D.A. Funk, 108–168. Moscow: Demos.
- Shanin, T., ed. 1999. *Neformal'naia ekonomika. Rossiia i mir* [Informal Economy: Russia and the World]. Moscow: Logos.
- Shevchenko, V. 2020. Chto ne tak s teoriei assambliazhei? [What's Wrong with Assemblage Theory?]. *Logos* 30 (5): 131–164.
- Shteinberg, I.E. 2021. *Metod “dlinnogo stola” v kachestvennykh polevykh sotsiologicheskikh issledovaniakh* [The “Long Table” Method in Qualitative Field Sociological Research]. Moscow: VTsIOM.
- Tsing, A.L. 2017. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Tsylev, V.R. 2014. Praktiki vyzhivaniia zhitelei otdalennykh poselkov severa v sovremen-nykh usloviakh (na primere sela Krasnoshchel'e Murmanskoi oblasti) [Practices of Survival of Residents of Remote Villages of the North in Modern Conditions (On the Example of the Village of Krasnoshchelye, Murmansk Region)]. *Sotsiologiia v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* 6: 304–308. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-18>
- Vasilyeva, V.V. 2019. Infrastruktura vne gosudarstva: “dikie” zimniki i vyvoz promyslo-voi produktsii na Taimyre [Infrastructure beyond the State: “Wild” Winter Roads and Export of Fishery and Hunting Goods in the Taimyr Peninsula]. *Etnografi-cheskoe obozrenie* 4: 61–75. <https://doi.org/10.31857/S086954150006192-1>
- Vladimirova, V. 2006. *Just Labor: Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Commu-nity*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.
- Vlasova, M.N. 2021. *Russkii Sever: broshennaia zemlia. Fol'klor “nesushchestvuiushchikh” dereven'* (poeziiia i proza: osobennosti i konteksty bytovaniia) [Russian North: Aban-doned Land: Folklore of “Nonexistent” Villages (Poetry and Prose: Features and Contexts of Existence)]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom.
- Williams, C.C. 2023. *A Modern Guide to the Informal Economy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.
- Wolfendale, P., and R. Brassier. 2014. *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes*. Falmouth: Urbanomic.
- Zhuravskaya, T.N. 2011. “Seryi import” na rossiisko-kitaiskoi granitse: chto novogo? [“Grey” Importation over the Russian-Chinese Border: What's New?]. *Ekono-micheskaiia sotsiologiia* 12 (1): 54–71.
- Zhuravskaya, T.N., and N.P. Ryzhova. 2019. Prizyvaia gosudarstvo: nelegal'naia zo-lotodobycha na Dal'nem Vostoke [Calling upon the State: “Illegal” Gold-Mi-ning in the Russian Far East]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 29–44. <https://doi.org/10.31857/S086954150006190-9>